

DOI 10.25991/AE.2019.49.96.022
УДК 82.09.908

А. В. Святославский

Святославский Алексей Владимирович — доктор культурологии, профессор кафедры русской классической литературы Института филологии ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
av.svyatoslavskij@mpgu.su

А. М. ГОРЬКИЙ О СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА (ПО МАТЕРИАЛАМ I ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ)

В докладе дан критический анализ выступлений А. М. Горького на Первом съезде советских писателей в августе-сентябре 1934 г. Горький, будучи избран председателем оргкомитета съезда, четырежды выступал на форуме, включая вступительную и заключительную речи, небольшую речь в шестой день работы съезда и развернутый доклад «О советской литературе» в день открытия. Именно в этом подробном докладе он попытался охарактеризовать наиболее типичные, на его взгляд, явления мировой литературы и фольклора разных народов от древности до первой трети XX в. включительно. Проследившая основные тенденции литературных процессов с позиций марксистской социологии, Горький старался достаточно определенно противопоставить молодую советскую литературу как литературе Запада, так и предшествующей отечественной литературной традиции. Небезынтересно обратиться к этому материалу с современных позиций, позволяющих сопоставить намеченные Горьким особенности, пути и цели этой новой литературы и реальный литературный процесс последовавших за съездом десятилетий. Некоторые теоретические и методологические положения, выдвинутые Горьким на съезде, в дальнейшем широко использовались советскими литературоведами для обоснования социалистического реализма как основного художественного направления в СССР.

Ключевые слова: А. М. Горький, I Всесоюзный съезд советских писателей, социалистический реализм, советская литература, русская литература XX в.

Svyatoslavsky, Alexey

A. M. Gorky about Soviet literature in the context of the world literary process
(According to the materials of the 1st All-Union Congress of Soviet Writers)

The report provides a critical analysis of Maxim Gorky's speeches at the First Congress of Soviet Writers in August-September 1934. Gorky, being elected Chairman of the Organizing Committee of the Congress, spoke at the forum four times, including opening and closing speeches. At his main profound report devoted to Soviet literature within the frame of the world cultural process Gorky attempted to analyze the most critically important problems. Laying down the main trends of literary processes from the standpoint of Marxist sociology, Gorky do it opposing the recently born Soviet literature with both Western literature and the preceding Russian literary tradition. It seems useful to look at this material from a modern standpoint, which makes it possible to compare the peculiarities of Gorky's views, the ways and objectives of this new literature and the real literary process that followed the Congress. Some of the formulated by Gorky theoretical and methodological propositions at the congress were later used by Soviet literary critics to substantiate socialist realism as the main literary direction in the USSR.

Ключевые слова: Maxim Gorky, Soviet literature, 1st All-Union Congress of Soviet Writers, socialist realism, Russian literature

Первый Всесоюзный съезд советских писателей начал работу в Колонном зале Дома Союзов в Москве 17 августа и завершился 1 сентября 1934 г. Всего состоялось 26 заседаний. Помимо заседаний проводились общественные мероприятия (посещение Красной площади, встреча с трудящимися в Парке культуры и отдыха, посещение авиационного праздника в Тушине). Роль А. М. Горького в подготовке съезда, в разработке концепции Союза советских писателей, фактически сформированного в те дни, и в работе самого съезда была чрезвычайно велика. Горький открыл работу писательского форума, сделал большой установочный доклад «О советской литературе» и произнес заключительную речь перед закрытием съезда. Во время работы форума он был избран председателем Президиума Союза советских

писателей. Ему аплодировали, его цитировали, на него ссылались, его благодарили.

Горький в своем основном докладе выстраивает анализ мирового литературного процесса на основе ряда бинарных оппозиций, когда один из членов маркирован позитивно, другой негативно. Начав буквально с первобытной эпохи в истории человечества, он затем дошел до литературного процесса XX в., положив в основание своих литературных дихотомий оппозицию «производство / потребление» и отмечая положительную роль фольклора в противопоставлении религиозной и развлекательной литературы за все время от древности до нового времени, поскольку в фольклоре воспет труд. При этом Горький, как ни странно, не упоминает работу Ф. Энгельса «Роль труда в превращении обезьяны

в человека» из книги «Диалектика природы», хотя в дальнейшем следует ее духу и букве. Далее он призывает современников, знакомых с мифологией и фольклором, увидеть основной смысл этого искусства, заключающийся в стремлении «древних рабочих облегчить свой труд, усилить его продуктивность, вооружиться против четвероногих и двуногих врагов» [5, с. 5], а также словом (заклинания и заговоры) повлиять на стихии и угрозы со стороны людей и животных. Таким образом, уже с глубиной древности Горьким намечаются две важнейшие доминанты культурного процесса: труд и слово, которые видятся ему определяющими факторами в т. ч. для творческой установки, которую он как председатель съезда должен дать советским писателям здесь и сейчас. «Мы должны усвоить, — обращается он к слушателям — что именно труд масс является основным организатором культуры и создателем всех идей, — как тех, которые на протяжении веков понижали решающее значение труда — источника наших знаний, так и тех идей Маркса — Ленина — Сталина, которые в наше время воспитывают революционное правосознание пролетариев всех стран и в нашей стране возводят труд на высоту силы, коя служит основой творчества, науки, искусства» [5, с. 13]. Отсюда делается вывод: «Основным героем наших книг мы должны избрать труд, т. е. человека, организуемого процессами труда...» [5, 13].

Л. А. Спиридонова в работе, специально посвященной роли Горького в поисках нового пути в литературе, отмечает, что формируемая в ранних произведениях «концепция Человека-творца, активно перестраивающего мир и себя, будет углубляться и трансформироваться в зрелом творчестве Горького» [6, с. 13].

Следующая историческая оппозиция выстраивается Горьким как социальное противостояние рабовладельцев и рабов, отраженное соответственно культурной оппозицией богов против богоборцев (среди последних назван Прометей, герой финского эпоса Калев и др.). Отсюда вытекает последующее формирование религиозной и нерелигиозной (мирской) культурных парадигм в Европе. Отдельной критике подвергается Платон как основоположник абстрактного миропонимания, «отвлеченного от процессов труда». От платонизма как теоретического обоснования религиозности Горький проводит линию к востребованности религии буржуазной культурой, которая и становится главным объектом критики в его выступлениях. Критике всех сторон буржуазной идеологии, культуры, западного общества как такового Горький уделяет очень много места, подчас формулируя свои мысли в самых резких выражениях и следуя социологии марксизма. Буржуазной культуре ставится в вину нежелание служить «всей массе человечества», воспитание покорности капитализму, принесение в жертву интересов большинства ради благополучия меньшинства, милитаризация экономики... Как следствие

этого Горький рассматривает интеллектуальное обнищание буржуазии, общий кризис западной культуры и наступление новой эры — эры культуры пролетарской.

От социологического анализа Горький переходит к вопросам литературы. Он вновь обращает внимание слушателей на то, что «наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа» [5, с. 8]. Среди них Геркулес, Прометей, Микула Селянинович, Святогор, доктор Фауст, Василиса Премудрая, Иван-дурак... При этом фольклору, по Горькому, совершенно чужд пессимизм, которым проникнута противостоящая ему авторская буржуазная литература, восходящая к периоду разложения рыцарского романа. Начиная с фигуры Тиля Уленшпигеля и до «Милого друга» Мопассана, до детективного европейского романа XX в. — «мы насчитаем, — говорит Горький, — тысячи книг, героями которых являются плуты, воры, убийцы, и агенты уголовной полиции. Это и есть настоящая буржуазная литература, особенно ярко отражающая подлинные вкусы, интересы и практическую “мораль” ее потребителей» [5, с. 8]. Невозможность для буржуазной литературы показать психологию индивида достаточно глубоко — связана, по Горькому, с «непознаваемостью человека вне действительности, которая вся насквозь пропитана политикой» [5, с. 9].

Мнения Горького звучали достаточно убедительно, поскольку в период 1920–30-х гг. (да и после) беспощадная критика всего западного, включая литературу, стала общим местом в выступлениях советских идеологов, пропагандистов и, конечно, писателей, часто не будучи подкреплена достаточным знакомством с европейской культурой и литературой (по известному принципу, прозвучавшему в конце 1950-х «не читал, но осуждаю»). Горький же отличался блестящей литературной эрудицией в области, далеко выходящей за рамки собственно беллетристики. В европейской драматургии Горький отмечает деградацию сильных положительных характеров после Шекспира, что, по его мнению, связано с вырождением таких героев и в жизни. Сила современных героев буржуазной литературы проявляется лишь в умении грабить, жульничать и сталкивать народы в военных конфликтах. Констатируемое в докладе творческое бессилие европейской литературы стало следствием упрямой защиты «свободы искусства», «своеволия творческой мысли», утверждения независимости литературы от социальной политики. Здесь Горький следует в русле известной статьи В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература».

Горький — выходец из мелкобуржуазной среды, что с детства сформировало в нем негатив по отношению к культуре «лавочников», тем не менее как большой эрудит он не может полностью отрицать значимость русской и европейской культуры досоветского периода. Он отмечает, что лучшим и наиболее искусно разработанным героем европейской

и русской литературы XIX в. является тип «лишнего человека». Для оправдания определенных заслуг перед обществом этой литературы Горький вновь выстраивает очередную оппозицию: литература «критического реализма» против «мещанской литературы». В России к первой он относит творчество Фонвизина, Грибоедова, Гоголя «и т. д. до Чехова и Бунина»; ко второй — творчество Булгарина, Массальского, Зотова, Голицынского, Вонлярлярского, Вс. Крестовского, Всеволода Соловьева — «до Лейкина и Аверченко и подобных» [5, с. 10].

Отдельно и достаточно подробно Горький останавливается на творчестве Ф. М. Достоевского, характеризуемого крайне негативно в аспекте социальной пользы, но являющегося, по Горькому, большим мастером психологического и социального портрета. «Достоевскому, — считает Горький, — принадлежит слава человека, который в лице героя “Записок из подполья” с исключительно ярким совершенством живописи словом дал тип эгоцентриста, тип социального дегенерата. <...> Достоевскому приписывается роль искателя истины. Если он искал — он нашел ее в зверином, животном начале человека и нашел не для того, чтобы опровергнуть, а чтобы оправдать» [5, с. 11]. Горький в своем отношении к Достоевскому продолжает ту ложную линию трактовки отрицательных героев у этого автора как проявления моральной inferнальности самого Достоевского. Апогеем этих обвинений, стало, как известно, письмо Н. Н. Страхова Л. Н. Толстому от 28.11.1883, в котором тот, пороча Достоевского превратной трактовкой ряда биографических фактов, делает вывод о том, что «все его (Достоевского. — А. С.) романы составляют самооправдание, доказывают, что в человеке могут ужиться с благородством всякие мерзости» [7, с. 308]. К сожалению, эта до сих пор не изжитая точка зрения на Достоевского в то время сыграла отрицательную роль в популяризации наследия великого классика.

Критический реализм, по Горькому, это выражение в литературе протеста мелкой буржуазии против крупной, что и породило представление о либерализме и демократии как целях европейского гуманизма. Впрочем, замечает Горький, эта литература со временем взяла на себя функцию и защиты мелкого буржуа от «натиска пролетариата» [5, с. 10].

В основном докладе на съезде дан анализ русской классики, о которой можно сказать, что она взрастила и самого Горького, образование которого связано исключительно с чтением книг. Как основную проблематику русской литературы XIX в. (что сближает ее с европейской) Горький определяет противоречием между личностью и буржуазным обществом, государством и личностью, государством и природой. При этом бунт личности, вызываемый обилием давящих на нее отрицательных впечатлений, носил, по Горькому, неосмысленный характер — из-за непонимания социально-экономических причин неблагополучия буржуазного общества.

«Бунтующая личность, — говорит Горький, — критикуя жизнь своего общества, редко и очень плохо сознавала свою ответственность за постыдную практику общества» [5, с. 14]. Эти рассуждения (возвращаясь к Достоевскому!) вызывают аллюзии к словам великого инквизитора из «Братьев Карамазовых»: «Но догадаются наконец глупые дети, что хоть и бунтовщики, но бунтовщики слабосильные, собственного бунта своего не выдерживающие» [3, с. 233].

Главным проявлением личностного преобразования человека в советском обществе видится Горькому пробуждение в нем чувства собственного достоинства и осознания себя как силы, способной изменить мир. Успех Октябрьской революции и полтора десятков лет строительства социализма окончательно убедили Горького как социального оптимиста в том, что вооруженный правильной марксистской теорией и практическим опытом революции советский человек, во-первых, обретает наконец смысл жизни и, во-вторых, уверует в собственную способность управления социальным порядком — взамен ощущения хаоса и бессилия перед метафизическими силами.

Весьма интересной при изучении текстов выступлений Горького нам видится проблема нового метода — социалистического реализма, размышления о котором стали предметом активных дебатов на съезде. Считается, что впервые это принципиально важное для советского культурного пространства понятие было озвучено председателем оргкомитета по подготовке Первого всесоюзного съезда писателей Иваном Гронским в его выступлении на собрании актива литкружков Москвы в мае 1932 года. «Основное требование, которое мы предъявляем к писателям, — сказал тогда Гронский, — правдиво отображайте нашу действительность, которая сама диалектична. Поэтому основным методом советской литературы является метод социалистического реализма» [2, с. 1]. Более не было тогда сказано ничего. В чем здесь «социалистичность» реализма, еще не совсем ясно, раз диалектичность действительности совершенно независима от писательских творческих установок. Горький же в выступлении на съезде идет дальше, поэтому некоторые его формулировки буквально использовались в дальнейшем в научных монографиях и учебниках литературоведения, когда речь заходила о специфическом творческом методе советской литературы и искусства.

Впрочем, еще до съезда, в первом номере журнала «Литературная учеба» за 1933 г. Горьким была опубликована статья «О социалистическом реализме» [1]. По содержанию и стилю статья похожа на выступления Горького на I съезде: в ней он тоже обрушивается на буржуазию и буржуазность как проявление культуры; на мещанство, понимаемое им как массовое разочарование в жизни мелкой буржуазии и несознательного пролетариата; на стремление этих мещан к роскоши и личной

собственности как таковой. Иначе говоря, Горький выступает здесь скорее как обличитель нравов, почти не касаясь проблемы литературного метода. Тем не менее в той статье высказана любопытная мысль о том, что молодой советский литератор пребывает между двух сил притяжения, одна из которых (мещанство) действует на его чувства, а другая — идея социализма — на его разум. «Подчиняясь притяжению двух сил истории, — мещанского прошлого и социалистического будущего, — люди заметно колеблются: эмоциональное начало тянет к прошлому — интеллектуальное к будущему», — заключает автор [1, с. 12]. Атавизмом буржуазного мещанства в советском обществе начала 1930-х Горькому виделся индивидуализм (себялюбие), с которым и должна бороться новая литература, причем осозная, что как серьезное социальное зло индивидуализм не должен быть объектом лишь литературы поверхностной, «анекдотической», но должен подвергаться глубокому анализу. Фактически же Горький требует от молодых авторов внушать читателю «ненависть к прошлому» и в заключение пытается наметить, чем соцреализм должен отличаться от реализма критического, который, казалось бы, достаточно обличал, причем пером талантливых литераторов. «Для того чтоб ядовитая, каторжная мерзость прошлого была хорошо освящена и понята, — пишет Горький, — необходимо развить в себе умение смотреть на него с достижений настоящего, с высоты великих целей будущего. Эта высокая точка зрения должна и будет возбуждать тот гордый, радостный пафос, который придаст нашей литературе новый тон, поможет ей создать новые формы, создаст необходимое нам новое направление — социалистический реализм, который — само собою разумеется — может быть создан только на фактах социалистического опыта» [1, с. 12–13].

Как видим, вопреки попыткам советского литературоведения вести начало социалистического реализма с горьковского романа «Мать», сам Горький в 1933 г. говорит о новом методе как о деле будущего, деле, требующем накопления опыта социалистического осмысления действительности. Существенным в приведенной цитате видится обращение Горького к категории пафоса. Однако и античное понимание пафоса, и творческое осмысление этой категории Г. Гегелем и В. Г. Белинским, заставляют видеть в пафосе прежде всего не модус видения действительности и отношение к ценностям (логос и этос), а сердечную пристрастность в отношении самого автора к материалу. Поэтому единственный вывод, который можно отсюда сделать: литератор соцреализма должен страстно ненавидеть буржуазную социальную систему и горячо верить в идеалы социализма, пропагандируя их художественным творчеством.

Отмечая ценность древней мифологии, Горький в докладе на съезде рассуждает следующим образом: «Миф это вымысел. Вымыслить — значит извлечь из суммы реально данного основной смысл и во-

плотить в образ — так мы получили реализм» [5, с. 10]. Так обозначен, условно говоря, первый этап формирования реализма, того самого, который получит название критического — критический как объективно верный. «Но если, — продолжает Горький, — к смыслу извлечений из реально данного объекта — домыслить, по логике гипотезы — желаемое, возможное, и этим еще дополнить образ, — получим тот романтизм, который лежит в основе мифа и высоко полезен тем, что способствует возбуждению революционного отношения к действительности, отношения, практически изменяющего мир» [5, с. 10]. Как видим, пафос так называемого революционного романтизма (это тоже станет термином советского искусствоведения) преобразует критический реализм в реализм социалистический на основе домысливания желаемого и возможного. Приведенная фраза Горького становится фундаментом для принципиальных выводов советской идеологии, которая формально присягала материализму, но по существу была идеалистической, поскольку основывалась на вере в то, что не эксплицировано в действительности, но существует как идея, в осуществимости которой в будущем можно беззаветно верить. И те экономические, социальные и политические успехи, которые демонстрировала советская власть, — зиждились на вере в неведомое, что прекрасно понимал И. В. Сталин, культ которого народу «строить и жить» действительно помогал. В дальнейшем советским писателям приходилось объяснять зарубежным коллегам, что показ идеализированных социальных отношений тоже есть особого рода реализм, поскольку такие отношения будут реальностью в будущем. Такой реализм и получил условное название социалистического. Вера же в коммунизм подкреплена была экономической теорией Маркса, которому тоже верили, даже те многие, кто его не читал или читал неглубоко. Собственно, все было по слову апостола Павла: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1).

Но вернемся к рассуждениям Горького на съезде. Как ни странно, но он утверждает далее, что «буржуазное общество, как мы видим, совершенно утратило способность вымысла в искусстве» [5, с. 10]. Такое обобщение выглядит неоправданной натяжкой. Видимо, Горький имеет в виду тот особый вид вымысла, который он назвал бы революционным, но не вымысел как таковой. Советское литературоведение в дальнейшем не было столь категорично в отрицании революционного романтизма в «буржуазной» литературе, хотя она всегда действительно противопоставлялась т. н. консервативному романтизму, связанному с пассивной реакцией героя и эскапизмом при конфликте со средой. Но проблема в том, что именно называть литературой буржуазной — или литературу, идеалы которой вырастают из идеалов класса собственников, или просто литературу обществ, где у власти стоит буржуазия. В своей категоричности Горький как бы не видит

революционной романтики и тем более произведений соцреализма в Европе и в императорской России. Однако впоследствии сами теоретики соцреализма вели историю этого метода от горьковского романа «Мать», написанного по сути в буржуазной России писателем, который входил в литературу совсем не как носитель правильной марксистской пролетарской идеологии. Более того, пытались найти приверженцев соцреализма и на Западе (называли имена Б. Брехта, М. Андерсена-Нексе, А. Зегерс...), однако с высоты прожитого очевидно, что все эти попытки разделить западных литераторов на тех, кто достиг соцреализма, кто приблизился к нему (так характеризовали иногда Дж. Лондона), и кто остался в рамках реализма критического — выглядят, на наш взгляд, не очень научно. Сам Горький в заключительной речи на съезде, приветствуя зарубежных участников, выше всего оценил Романа Роллана и Андре Жида, охарактеризовав их входящим в моду словосочетанием «инженеры человеческих душ». Упомянул также в числе достойных Ж. Р. Блока, А. Мальро, Л. Арагона и некоторых других. Правда, не касаясь при этом проблемы метода. О них было сказано, что это «суровые судьи буржуазии», умеющие ненавидеть и любить [5, с. 678]. Впрочем, как оказалось, после посещения в 1936 г. СССР Андре Жид проявил себя как суровый критик не только буржуазии, но и первого в мире пролетарского государства. Однако Горький об этом уже не узнал.

На съезде вопрос о соцреализме в связи с пафосом романтики был изначально поднят секретарем ЦК ВКП(б) А. А. Ждановым, чья речь в самом начале форума предшествовала основному докладу Горького. Им было сказано следующее: «Для нашей литературы, которая обеими ногами стоит на твердой материалистической основе, не может быть чужда романтика, но романтика нового типа, романтика революционная. Мы говорим, что социалистический реализм является основным методом советской художественной литературы и литературной критики, а это предполагает, что революционный романтизм должен входить в литературное творчество как составная часть, ибо вся жизнь нашей партии, вся жизнь рабочего класса и его борьба заключаются в сочетании самой суровой, самой трезвой практической работы с величайшей героикой и грандиозными перспективами» [5, с. 4].

Критический реализм рассматривается Горьким как своего рода составляющая часть соцреализма, поскольку он «необходим нам только для освещения пережитков прошлого, для борьбы с ними, вытравливания их» [5, с. 17]. Здесь же Горький пытается сформулировать основное кредо социалистического реализма, которому впоследствии суждено будет попасть в монографии и учебники. «Социалистический реализм, — говорит он, — утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека...» [5, с. 17]. Сегодня можно

констатировать, что роль романтизма в представлениях того времени о новом методе была очень велика. Л. А. Спиридонова точно характеризует суть метода: «Синтез реализма, романтизма и социалистического мифотворчества, характерный для произведений Горького начиная с 1906 г., сегодня чаще всего именуют новым реализмом, а в живописи даже романтическим реализмом» [6, с. 10].

По нашему мнению, именно романтический пафос является ключевой позицией при попытках понять, состоялся ли все-таки соцреализм как метод, близкий тому, что называли критическим реализмом, но отличный от него. Попытки поставить во главу угла метода желание переделать мир, нередко встречающиеся в работах советского периода, нам кажутся неубедительными, ибо в истории мировой литературы можно найти немало писателей, говорящих об активной переделке мира до Горького. В конце концов, романы Н. Г. Чернышевского по этому признаку точно должны были бы быть включены в список произведений соцреализма, однако советское литературоведение этого не делало, ведя отсчет от горьковского романа «Мать». А. В. Луначарский в специальной статье 1933 года о новом методе писал: «Все дело в том, что социалистический реалист сам активен. Он не просто познает мир, а стремится его переделать. Ради этой переделки он и познает его, поэтому на всех его картинах лежит своеобразная печать, которую вы сразу чувствуете» [4, с. 50]. Что это за печать? Точного ответа Луначарский не дает, но, рассуждая о специфике метода, отмечает именно романтическое восприятие действительности при условии веры в то, что коммунистическая идея победит на земле.

Какие задачи ставит Горький перед советскими писателями на Первом съезде?

Во-первых, изобразить «эмоциональный процесс» интеллектуального роста рабочего человека в СССР и избавление крестьянина от чувства собственности в пользу коллективистского сознания. И то и другое составляют целое, называемое формированием нового человека, советского гражданина. С другой стороны, Горький требует разоблачения мещанства, основными чертами которого являются приверженность традиционным ценностям буржуазного общества (прежде всего культу собственности) и психология паразитизма. Он не отрицает наличия отдельных фактов разоблачения мещанства в современной советской литературе, но требует появления «крупного образа» мещанина, по уровню мастерства изобразительности сопоставимого с такими величинами, как Фауст или Гамлет (!). Рецидивы мещанства в СССР и, в частности, в партии, видятся Горькому едва ли не главной внутренней угрозой новому обществу (известен давний интерес Горького к проблеме мещанства, со времен его «Записок о мещанстве» 1905 года и пьесы «Мещане» 1901 года). Во-вторых, Горький отмечает необходимость изображения советского индустриального пейзажа как символа социалистической экономиче-

ской мощи. Далее Горький сетует, что ни драма, ни роман пока не дали адекватного образа советской женщины, отношение к которой до сих пор отмечено традиционным неравноправием полов в обществе. Еще одна задача — отражение прошлого (истории человечества) в литературе с марксистских позиций. Об этом Горький еще раз сказал в своем кратком выступлении на 9-м заседании съезда 22 августа. В заключительном слове, произнесенном им в день закрытия съезда, он вновь вернулся к необходимости воспеть человека труда в социалистическом обществе, а молодым литераторам учиться слову у устного народного творчества: «начало искусства слова — в фольклоре» [5, с. 676].

Отдельно Горький останавливается на низком уровне советской литературной критики и рецензирования. В заключении основного доклада о советской литературе им выстроена любопытная статистика. Констатируя наличие в создаваемом Союзе писателей 1500 членов, он замечает, что едва ли при этом стоит говорить о 1500 гениях литературы, поэтому предлагает на ближайшее будущее «наметить» 45 «очень талантливых» и 5 собственно «гениальных» литераторов.

Сегодня иногда пишут о разочаровании Горького в последние годы жизни в том, что происходило в советской России в связи с тоталитарной системой управления государством и формирующимся культом личности. Однако, если не заподозрить Горького в неискренности, то по состоянию на август 1934 года он выступает горячим поборником основ-

ных политических и экономических преобразований (включая коллективизацию сельского хозяйства и партийный контроль над общественной идеологией). Сравнение его выступлений на съезде и других общественных мероприятиях 1930-х гг. с его прежними работами показывает, что в главном он остался верен себе, Максиму Горькому рубежа XX века, который так ярко вошел в мировую литературу.

Литература

1. Горький М. О социалистическом реализме // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 27. М.: ГИХЛ, 1953. С. 5–13.
2. Гронский И. М. «Обеспечим все условия творческой работы литературных кружков». Собрание актива литкружков Москвы // Литературная газета. № 23 (192), 23 мая 1932 г. С. 1.
3. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. — Л.: Наука, 1976. 512 с.
4. Луначарский А. В. О социалистическом реализме // Из творческого наследия советских писателей. Литературное наследство Т. 74. М.: Изд-во АН СССР, 1965. С. 49–52.
5. Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. Стенографический отчет. М.: Гослитиздат, 1934. — 720 с.
6. Спиридонова Л. А. Творчество Горького и возникновение социалистического реализма // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс / составители: О. В. Богданова, В. Т. Захарова, Л. А. Спиридонова, М. Г. Урминцева. СПб.: РХГА, 2018. (Русский путь). С. 9–15.
7. Толстовский музей. Т. II. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894 / Предисл. и прим. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1914. С. 307–310.